

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМ

ДЕБАТЫ

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

1945–1953 гг.

МАТЕРИАЛЫ
VII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ТВЕРЬ, 4–6 ДЕКАБРЯ 2014 г.

РОССПЭН
Москва
2015

ЕЛЬЦИН
ЦЕНТР

С56 Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. : Материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. – М. : Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. – 719 с. : ил. – (История сталинизма. Дебаты).

ISBN 978-5-8243-1973-6

Седьмая конференция из цикла «История сталинизма» посвящена проблемам позднего сталинизма, особого этапа в истории советского государства и общества – от победы в Великой Отечественной войне до смерти Сталина. Этот период был отмечен взаимодействием ряда противоречивых тенденций. Одни из них демонстрировали апогей сталинской системы. Другие – складывание предпосылок для ее трансформации в несталинскую авторитарную модель советского социализма. К числу первых относились усиление личной власти Сталина; проведение масштабных идеологических и репрессивных кампаний; экспансия ГУЛАГа; консервативная социально-экономическая политика. К числу вторых – реформистские ожидания советского общества, порожденные победой; кризисные явления в экономике, вызванные, прежде всего, стагнацией сельского хозяйства и социальной сферы; дестабилизация ГУЛАГа.

В конференции приняли участие специалисты из Австралии, Армении, Беларуси, Германии, Италии, Казахстана, Кыргызстана, Литвы, России, США, Украины, Франции и др.

Издание адресовано научным работникам, всем интересующимся социальной и политической историей России.

*Конференция состоялась и настоящее издание подготовлено
благодаря финансовой поддержке
Президентского центра Б. Н. Ельцина*

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)631

ISBN 978-5-8243-1973-6

© Коллектив авторов, 2015
© Политическая энциклопедия, 2015

А. Т. Бикбов

ПАРАДОКСЫ ИМПЕРАТИВНОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ В 1943–1953 гг.

Наиболее простая схема исторического обобщения – событийная хронология, основанная на допущении, что последующее выводится из предшествующего и кардинальным образом им определено. Генезисологический метод, который практикуется в исторических и социальных исследованиях с 1960-х гг., опрокидывает эту посылку. Все чаще речь уже не идет о том, чтобы объяснять настоящее прошлым, но о том, чтобы отыскивать в прошлом сборочные элементы нового состояния, при том, что настоящее иначе определяет их связь, порядок и смысл. При такой реконструкции и без того трудно объяснимые исторические прерывности, как и вся привычная периодизация, предстают совсем в проблемном свете. Однако растущая сложность картины – лишь отражение сложности тех социальных структур, которые служат предметом исторического описания.

Сказанное в полной мере применимо к интерпретации позднесталинского периода, который часто предстает «самым темным часом перед рассветом» – последним пиком репрессий перед отказом от физического уничтожения несогласных, временем жестких запретов перед либерализацией общественной дискуссии, моментом глухой политической изоляции незадолго до решительного поворота к открытому международному состязанию и сотрудничеству. Тем большего внимания требуют факты, которые плохо вписываются в общую схему. К числу по-прежнему неразрешимых относится вопрос об интернационализации советского порядка. Была ли она взрывообразной с середины – конца 1950-х или кумулятивной – уже с середины 1940-х гг.?

В пользу первой модели свидетельствует целый ряд исследований, которые на материале научных контактов и научной политики, вероятно, наиболее досконально описывают изменения, происходящие с середины 1950-х гг.¹ Предшествующий период характеризуют

¹ См., напр., эталонный в этом отношении текст: Прозуменщиков М. Ю. ЦК КПСС и советская наука на рубеже эпох (1952–1953) // За «железным занавесом». Мифы и

ется рядом событий, которые невозможно интерпретировать иначе, чем в терминах политической изоляции: всесоюзные научные совещания, объявляющие поход против космополитизма, буржуазного идеализма и низкопоклонства перед Западом, свертывание международных научных связей, запрет на издание советских академических журналов на английском языке и т. д. Все это позволяет исследователям с полным основанием характеризовать конец 1940 – начало 1950-х гг. как период жестких ограничений на международную деятельность².

Однако функционируют ли практики контроля исключительно рестриктивно, ведут ли они к простому сокращению международных контактов и, более широко, к линейной де-интернационализации советских институтов? В изданных архивных источниках, открытых публикациях того периода, доступных для анализа свидетельствах практики мы находим множество признаков, указывающих на обратное. В рамках усиливающегося контроля за идейной чистотой рядов профессиональная и социальная ценность международного опыта лишь возрастает. Не исключено, что репрессивный контроль становится своего рода неуклюжим, а порой убийственным страховочным механизмом в ходе интернационализации, которой невозможно избежать в условиях послевоенного СССР. Далее я рассмотрю некоторые парадоксы этой ситуации, углубившись в уже плотно описанную область, научную политику, и более подробно описав в качестве центрального случая «царицу наук» сталинского периода – философию.

Неявные контуры «философского фронта»

В 1930–1950-е гг. философия наделяется крайне важной политической функцией: управление образом единого будущего – функцией, которую сегодня все чаще выполняет история как дисциплина, призванная управлять общим и единым прошлым. Тесно переплетенный комплекс интеллектуальных свобод и крайне травматичных ограничений, которые образуют феномен советской философии, обязан именно этому ее политическому назначению. Статус центральной и координирующей дисциплины, которую приписывают философии партийные деятели и научные функционеры, подтверждается

реалии советской науки / под ред. М. Хайнеманна и Э. И. Колчинского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.

² Документы Политбюро ЦК как источник по истории Академии наук // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКБ(б)–КПСС. 1922–1991. Т. 1922–1952 / сост. В. Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. С. 19.

тем, что именно с нее начинается волна «закручивания гаек» и пропагандистских кампаний в науке, которые используются или только задумываются (в зависимости от дисциплины) в качестве стартовой площадки для послевоенного идейного контроля и аппаратных чисток. Номинально первое подобное совещание проходит в январе 1947 г., в форме обсуждения книги Георгия Александрова «История западноевропейской философии», за которым в июне 1947 г. проводится повторное, более серьезное по своим административным последствиям. Однако начало кампании партийного воспитания положено уже в 1944 г., когда осужден III том «Истории философии» (1943), посвященный немецкой идеалистической традиции. С тома снята едва присужденная Сталинская премия, он изымается из оборота, а саму историю немецкой философии специальное постановление ЦК ВКП(б) предписывает излагать иначе, в свете исторического торжества марксистско-ленинского подхода³.

Господствующая модель при описании гуманитарного знания послевоенного сталинского периода и даже десятилетия 1960-х вводит жесткое бинарное деление на эмансипаторное движение «снизу» и жесткое партийное давление «сверху»⁴. Первый взгляд на состояние дисциплины по текущим публикациям и мемуарным источникам обеспечивает такой модели полное доверие. Движение «снизу» выражается здесь в запросе на историко-философское знание, прежде всего на домарксистскую философию, которая уже в первой половине 1940-х гг. обеспечивает исследователям «творческую самостоятельность и научный подход к предмету»⁵. Согласно той же модели этот запрос подвергается регулярной партийной цензуре, переориентирующей философов на борьбу против буржуазных течений и утверждение марксистско-ленинской методологии. Заглавия статей 1948 г. из едва созданного (1947) дисциплинарного журнала

³ Эпизоды осуждения III тома «Истории философии» и дискуссия 1947 г. весьма подробно описаны в ряде исследовательских и мемуарных источников. Одними из первых были статьи: Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Дело академика Г. Ф. Александрова. Эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 1; Есаков В. Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Вопросы философии. 1993. № 3.

⁴ Эта модель обширно представлена в самоописании дисциплины, с первых публикаций, где ее официальная советская история подвергнута радикальному пересмотру (Огурцов А. Подавление философии // Суровая драма народа. М.: Изд-во политической литературы, 1989), до более поздних мемуарных сборников (Философия не кончается. Из истории отечественной философии. XX век / под ред. В. А. Лекторского. М.: РОССИЭН, 1998) и недавних работ, которые претендуют на обобщающий характер (Мотрошилова Н. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и Западная мысль. М.: Академический проект, 2012).

⁵ Юбилей профессора В. В. Соколова (интервью В. Кузнецова) // Вестник Московского ун-та. Серия 7 «Философия». 2000. № 4. С. 16.

«Вопросы философии» дают возможность оценить результирующий вектор таких взаимодействий: «Поход международной реакции против «Манифеста Коммунистической партии», «Современный физический идеализм в США и Англии на службе реакции и поповщины», «Против низкопоклонства перед буржуазной философией», «За большевистскую партийность в вопросах психологии», «За мичуринскую биологию» или «Против буржуазного объективизма и космополитизма».

Сам журнал создается по следам обличительных дискуссий 1947 г., которые проходят под лозунгом «укрепления философского фронта». Эту «линию», помимо звенящих заглавий, ярко обозначает специфическая поэтика текстов, которые распадаются на два типа почти без каких-либо промежуточных форм: хвалебные публикации о «великих» советских или российских мыслителях и статьи, изобличающие «заблуждения» и «измышления», связанные с «буржуазным» идеализмом или объективизмом. В рамках второго жанра все зарубежные философы не коммунисты наделяются характеристиками, подобными следующим: «фашиствующий Сартр», «пособник американской реакции и буржуазный аморалист Джон Дьюи», «человеконенавистническая философия Гуссерля»⁶. Грамматика философских публикаций середины 1940 – начала 1950-х гг. строится на разборе любых теоретических суждений как прямой проекции столкновений между пролетариатом и буржуазией. Согласно мемуарной литературе и устным интервью 1990–2010-х гг., это делает тональность любой философской дискуссии «дурной», а атмосферу в дисциплине – «тяжелой».

Даже если делать поправку на то, что обличенный в 1947 г. Г. Александров принадлежит к числу высших партийных руководителей, кажется, что факты говорят в пользу простой схемы, разделяющей философию (и не только) на творческий интеллектуальный «низ» и темный, репрессивный партийный «верх». Необъяснимым в границах такой схемы остается только одно обстоятельство: почему изоляционистский доктринальный контроль и партийная цензура не вводятся на более ранних этапах кулуарного обсуждения, а функционируют в публичном и догоняющем режиме? Тот же вопрос можно переформулировать иначе: для чего создается научный философский журнал при наличии партийных и более прямолинейно «идейных», и почему утверждение марксизма как «революционного переворота в философии» требует выхода специализированных изданий по истории философии, неизбежно знакомящих с немарксистскими источ-

⁶ Примеры из разных статей «Вопросов философии» 1948 г.

никами? Попытка всерьез ответить на эти вопросы ведет к критическому пересмотру первоначальной схемы.

С начала 1940-х гг., а в первой версии, возможно, уже с конца 1930-х, обращение к интеллектуальным образцам, господствующим на международной сцене, институционализируется как один из приоритетов философской работы. Вслед за началом публикации многотомной «Истории философии», план которой разрабатывается и утверждается в 1938–1940, в середине 1940-х гг. издаются статьи и монографии по истории зарубежной философии, а в 1946 г. по постановлению Иосифа Сталина при Совете министров учреждается Издательство иностранной литературы. В 1950 г. в нем готовится открывший серию «Философское наследие» однотомник Декарта (под редакцией В. Соколова), чьи тексты не публиковались на русском языке с 1914 г. В том же 1946 г. в Институте философии АН СССР принимается решение о «необходимости систематической работы по философии, психологии и логике за рубежом», а также о работе по «критике идеалистических направлений». Вслед за этим создается сектор социологии, для изучения идеологического наследия русской социологии и критики современных идеалистических теорий в социологии⁷. Наконец, среди мотивов учреждения журнала «Вопросы философии», помимо «объединения философов всех республик» и обеспечения «идейного уровня», фигурирует необходимость публикации результатов «работы по изучению и критике современной буржуазной философии и социологии» и наличие «нескольких статей и критических обзоров», подготовленных по этим темам⁸. Иными словами, в конце 1940-х гг. знакомство философов с зарубежными образцами сопутствует определению «философского фронта» уже как императив, не требующий дальнейших обоснований.

По свидетельству философов, учившихся на философском факультете МГУ в начале 1950-х гг., «студенты, ...слышавшие со всех сторон фразу о возникновении марксизма как революционном перевороте в философии, изучали историю философии в течение всех пяти лет своего обучения, т. е. девять семестров»⁹. Сколь ни парадоксально это прозвучит, число часов на историю зарубежной

⁷ In the Institute of Philosophy, U.S.S.R. Academy of Sciences Meeting of the Administrative Board of the Institute of Philosophy (October 29, 1946) // Synthese. 1947. Vol. 6. № 1/2. P. 71. Следует обратить особое внимание на совместную институционализацию двух тематических линий: не только истории зарубежной философии, но и дореволюционной русской мысли. В планах издания учебника по истории философии 1938 г. уже значился том по русской философии, который так и не был выпущен.

⁸ Об издании журнала «Вопросы философии». 21.07.1947 // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКБ(б)–КПСС. С. 359.

⁹ Юбилей профессора В. В. Соколова... С. 18.

философии начинает сокращаться именно в «оттепельный» период 1960-х гг. Не менее симптоматичны тематические сдвиги второй половины 1940-х гг., которые утверждают общность ряда вопросов и проблем для советской и домарксистской философии. В 1946 г. упомянутый В. Соколов защищает диссертацию «Проблема необходимости и свободы в домарксистской философии Нового времени и в марксизме-ленинизме». Схожим образом выстраиваются темы ряда других текстов, претендующих на интеллектуальную автономию¹⁰.

Такая работа требует изощренных риторических маневров и сопряжена с карьерными рисками. А история образцовой публикации о философе-«идеалисте» неизбежно включает задержки и идеологическую корректуру. Особенно, если она посвящена такому философу как Гегель, которому А. Жданов прямо адресует обличительные речи в дискуссии 1947 г. По свидетельству историка философии Т. Ойзермана, при его попытке опубликовать статью о Гегеле в конце 1940-х гг., «эту статью послали в ЦК... и там полгода продержали, какие-то предложили поправки, и все-таки разрешили напечатать... Потому что соавтор мой был профессор Светлов, заместитель министра высшего образования»¹¹. Напряжения, возникающие вокруг фигуры Гегеля, имеют принципиальный для дисциплины характер, поскольку на абсолютно легитимном языке партийной ортодоксии позволяют противопоставить две «внутренних» линии: Сталина – Жданова, которые оценивали Гегеля как идеалистического врага марксизма, и Маркса – Ленина с их высокой оценкой значения гегелевской философии. Игра на подобных противоречиях между «отцами-основателями» составляет важный ресурс в утверждении истории философии как пространства интеллектуальной автономии. Согласно позднему свидетельству историка философии В. Кузнецова, «способ устранения антиисторического острия формулы о марксизме как революционном перевороте в философии... состоял в том, чтобы, декларируя полнейшее согласие с этой формулой и даже выступая по-

¹⁰ Автономистские позиции авторов конца 1940 – начала 1950-х гг. могут выражаться в весьма умеренных (по современным меркам), но оттого не менее значимых формах. Так, в отличие от большинства текстов, публикуемых в «Вопросах философии», которые содержат обязательные указания на «ошибки» не марксистских философов и почти всегда открываются анализом общественно-политической ситуации и буржуазной реакции в странах Запада, статья В. Соколова, посвященная Декарту (Вопросы философии. 1950. № 2), почти полностью избавлена от указаний на идеалистические заблуждения последнего, как и на напряженную борьбу пролетариата против буржуазии.

¹¹ Интервью автора с Т. Ойзерманом, совместно с В. Гусейновой и Е. Тамбасовым, июль 2014.

рой ее красноречивыми пропагандистами, интерпретировать ее так, чтобы оставались в силе все высказывания Энгельса и Ленина о необходимости для марксистов постоянно и глубоко изучать историю философии»¹². Речь идет не о 1970–1980-х гг., а все еще об исходе сталинского периода.

Сама подобная игра оказывалась возможной только потому, что в институциональное основание дисциплины была уже заложена важность рецепции зарубежного опыта и идейной борьбы на территории противника. При этом, если партийная ортодоксия в философии могла утверждаться через критику немарксистских источников, для чего было необходимо овладение ими, то доступ к истории зарубежной философии в целом ряде показательных случаев обеспечивался либо высоким партийным положением авторов, либо упреждающей лояльностью принципам диалектического материализма. Упомянутый Г. Александров в конце 1940-х гг. является главой Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), членом Оргбюро ЦК. Заведующий кафедрой зарубежной философии в МГУ, В. Светлов – заместителем министра высшего образования. Философы, чья неприкосновенность не гарантирована высшим административным положением, оплачивают ее доктринальной работой. В своих интервью Т. Ойзерман указывает, что преподавал в основном диалектический материализм, его первая монография была посвящена одной из наиболее «идейных» тем в философии того периода¹³. В. Соколов в 1952–1954 гг. был командирован от факультета в КНДР для чтения курсов по диалектическому и историческому материализму¹⁴. Именно такая демонстрация партийной дисциплины снабжает философов лицензией на представление также домарксистских авторов и текстов. Принципиально схожую модель: доступ к зарубежным публикациям и контактам при условии партийной лояльности или партийной карьеры, – можно наблюдать десятилетием позже, при институционализации другой научной дисциплины, социологии¹⁵.

В итоге кампании по ужесточению партийной дисциплины в философии предстают вторичным эффектом – дисциплинированием по итогам интернационализации, которая исходно опирается на партийную лояльность исполнителей. Именно так Г. Александров

¹² Юбилей профессора В. В. Соколова... С. 12.

¹³ Ойзерман Т. Возникновение марксизма – революционный переворот в философии. М., 1948.

¹⁴ Соколов В. В. Философские страдания и просветления в советской и постсоветской России. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 49–50.

¹⁵ Подробнее см.: Бикбов А. Грамматика порядка: историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: ВШЭ, 2014. Гл. VIII.

оказывается обладателем двойного статуса: одним из ключевых проводников домарксистской истории философии, но одновременно партийным иерархом, который визирует записки ЦК об ограничениях на использование иностранной литературы¹⁶ и запрете издания журналов Академии наук на иностранных языках¹⁷. Философ Т. Ойзерман, который продолжает институционализировать историю зарубежной философии, параллельно выполняет работу партийного виртуоза, публикуя тексты о революционной роли марксизма и ловушках империалистической реакции. Такие смещения и смешения между партийной и интеллектуальной работой в философии 1943–1953 гг. имеют системный характер. Они слишком глубоко укоренены в архитектуре философских институций, чтобы сегодня можно было одним упорядочивающим жестом вернуться к упрощенной схеме творческого философского «низа» и репрессивного партийного «верха».

Альтернативы интернационализации

Является ли исключительным опыт, который разделяют участники «главной» дисциплины позднесталинского периода? Как показывают архивные публикации, модель распространяется на управление всей наукой и, возможно, не только ею. В десятилетие 1943–1953 гг. интернационализация, безусловно, носит дозированный и прагматичный характер. В области прямых международных контактов она захватывает, прежде всего, естественные и технические науки, а также медицину. В этих дисциплинах международные связи отнюдь не прерываются, как принято считать, в 1946–1947 гг. Напротив, в некоторых случаях они уплотняются. Если говорить о сфере гуманитарного знания конца 1940 – начала 1950-х гг., то дисциплинами, где происходит интернационализация, становятся история, и прежде всего ее разделы, связанные со славянским миром, а также языковедение и этнография. Что касается социального знания в узком дисциплинарном смысле, т. е. прежде всего социологии, ее учреждение отсрочивается до периода масштабных политических реформ. Здесь крайне красноречивы решения об участии советских делегаций во

¹⁶ О выписке и использовании иностранной литературы (Извлечения). 14.09.1946 // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКБ(б)–КПСС. С. 334–335.

¹⁷ О журналах Академии наук СССР «Доклады Академии наук СССР», «Физико-химический журнал», «Журнал по физике», издающихся на иностранных языках. 16.07.1947 // Там же. С. 356–357.

Всемирных социологических конгрессах: в 1953 г. ЦК отклоняет первое предложение об отправке советской делегации и признает ее целесообразность только в 1956 г.¹⁸

В целом, чтобы выявить ограниченные контуры интернационализации, необходимо покинуть пределы одной дисциплины и зафиксировать ее мерцающие, неоднородные формы конца 1940-х гг. в разных областях. Как позволяют судить опубликованные архивные источники¹⁹, в 1944 г. ЦК ВКП(б) рассматривает единственный вопрос в сфере международных обменов Академии наук: о приглашении зарубежных ученых в СССР на празднование 220-летия Академии наук. В 1945 г. подобное обсуждение также единично: 30 октября положительно решается вопрос об отправке историко-архивной экспедиции в Балканские страны. В 1946 г. таких решений уже 10: тематика и география обменов преимущественно располагается на традиционной западноевропейской оси. Советские астрономы едут в Копенгаген, физики, химики и рентгенологи – в Лондон, медики, биологи и специалисты по прикладной механике – во Францию, в СССР приглашают западноевропейских химиков и почвоведов. Кроме этого, делегацию медиков и индологов направляют в Дели, на конгресс Индийской ассоциации ученых. В том же году принимается одно рестриктивное решение: ограничен круг организаций, которые вправе выписывать иностранную литературу. В 1947 г. ЦК рассматривает семь записок, положительно связанных с вопросами международных контактов, включая разрешение на обмен книгами АН СССР с учреждениями Германии, Японии, Италии, Австрии, Венгрии (29 января). Двумя рестриктивными решениями отклоняются кандидатуры в АН СССР нескольких американских ученых (10 июня) и запрещена публикация журналов АН СССР на иностранных языках, поскольку те «предоставляют органам иностранной разведки в готовом виде результаты достижений советской науки» (16 июля 1947 г.).

В решениях ЦК 1947–1949 гг. объективируются два парадигматических для позднесталинского периода мотива. Во-первых, с агоническим западноевропейским направлением академических связей начинает конкурировать восточноевропейское, точнее, «общеславянское». Оно институционализируется через обмены академическими делегациями, исследовательские экспедиции, попытки организовать конгресс ученых-славяноведов. Институционализация обосновыва-

¹⁸ По запискам и решениям в сб.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС...

¹⁹ Там же.

ется, среди прочего, отсылкой к активности тематических отделений и центров в зарубежных странах, включая западные. Но в данном случае к этому не сводится. Организация «общеславянской» научной коммуникации – прямой перевод в академические термины тех внешнеполитических задач по созданию восточного блока, в котором Москве отводится роль руководящего центра. Эта логика представлена не только в пространстве научных обменов, но и в интеллектуальном пространстве дисциплины-координатора. В «Вопросах философии», наряду с заметным местом, которое отводится почти в каждом номере для статей о русской философии и философии народов СССР, регулярно публикуются также тексты о философии в Польше и других восточноевропейских странах. Можно утверждать, что в научной политике послевоенных лет реализуется проект альтернативной, восточной интернационализации. Подобно тому, как до успеха атомного проекта ЦК интересуется мобилизационный потенциал Православной церкви²⁰, практическую конкуренцию все более отвлеченной идее мировой социалистической революции составляет умеренный панславизм.

Во-вторых, международные научные контакты систематически раскодируются в терминах противостояния двух систем и активно используются как сцена политической схватки. Это иллюстрируют примеры, представляющие оба направления интернационализации. Так, в 1948 г. советские историки откомандированы на конгресс в Варшаву для участия в «острой борьбе между польскими историками-марксистами и историками, стоящими на буржуазных позициях»²¹. В том же году советским участникам астрономического конгресса в Цюрихе предписано добиваться «самостоятельного вхождения астрономических учреждений Академий наук Украины, Грузии, Армянской, Казахской и Узбекской ССР в Международный астрономический союз», а также «возражать против приема в МАС национальных астрономических комитетов Австрии, Германии и Японии в связи с отсутствием мирных договоров с этими странами»²². Таким образом, уже в конце 1940-х гг. кристаллизуется эталонная формула

²⁰ Доклад Т. Леонтьевой «Церковная повседневность эпохи позднего сталинизма в провинциальном измерении» на Международной конференции «Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг.». Тверь, 4 декабря 2014 г.

²¹ О командировании в Варшаву советских историков на VII Съезд польских историков. 18.09.1948 // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКБ(б)–КПСС... С. 384.

²² О составе советской делегации ученых на Съезд Международного астрономического союза. 07.08.1948 // Там же. С. 376.

политического использования международных научных конгрессов и съездов, которая в полной мере реализуется в следующий период при учреждении новых гуманитарных дисциплин, включая социологию. В ее случае (во второй половине 1950-х гг.) основными мотивами участия в международных дискуссиях становятся доказательство «преимуществ социалистического образа жизни» и предотвращение «распространения клеветнической информации в отношении СССР»²³.

Наряду с академическими функционируют иные каналы международной коммуникации. При крайнем, на первый взгляд, изоляционизме в философской дисциплине они играют решающую роль. Именно «усиление борьбы на идейном фронте» обеспечивает некоторым философам доступ на международные площадки, где, наряду с презентацией марксистско-ленинского подхода, те получают возможность коммуникации по недоктринальным, т. е. историко-философским темам. Согласно устным воспоминаниям Т. Ойзермана, «году в 46–47-м были сессии ЮНЕСКО, где проходили философские семинары... Я выступал там три или четыре раза. И имел возможность также побывать в Парижском университете, Пуатье и еще в одном... Мы всегда получали приглашения. Не персонально – приглашения шли на философский факультет. Потом, когда я побывал раз, два, три на этих заседаниях в Париже, уже и персональные приглашения высылали. Охотников участвовать в семинарах было не так много, поскольку активно французским и английским языком очень мало кто владел». Он же добавляет: «На философские симпозиумы и философские конгрессы [в Германию] ...я ездил, начиная с 47 года. И там, естественно, выступал с докладом»²⁴.

Таким образом, усиление контроля в партийно-послушной науке середины 1940 – начала 1950-х гг. уже не выглядит линейным выражением самоизоляции СССР. Парадокс состоит в том, что именно в этот момент происходит институционализация историко-философского знания и начинается практическая интернационализация философской компетентности. Именно это дает основу для последующей поляризации всей профессии, не характерной ни для 1920–1930-х, ни, все еще, для 1940-х гг.: противостояния полюсов догматического диамата-истмата и истории философии. Активностью на

²³ Записка АП СССР о создании Советской социологической ассоциации. 26.12.1957 // Социология и власть / отв. ред. Л. Н. Москвичев. Сб. 1. 1953–1968. М.: Academia, 1997. С. 38.

²⁴ Интервью автора с Т. Ойзерманом.

втором полюсе обязаны своей репутацией «молодые философы» следующего поколения, такие как Э. Ильенков и М. Мамардашвили. Они принадлежат к числу студентов-философов конца сталинского периода, которые вступают в профессию к концу 1950-х гг. и уже в эталонной форме транслируют те установки на новую профессиональную компетентность, что в конце 1940-х гг. кристаллизуются в зыбких дисциплинарных смещениях и смешениях.

Гипотеза императивной интернационализации

Теперь можно вернуться к исходному вопросу: почему в этот период императивы интеллектуальной изоляции и партийная цензура функционируют публично, а не кулуарно, и не в упредительном, а в догоняющем режиме? Ответом на него будет гипотеза, которая позволяет включить указанные контртенденции в объяснительную схему, отказавшись от волюнтаристских толкований интернационализации.

Можно полагать, что по окончании Второй мировой войны, а возможно, уже в ее ходе, интернационализация СССР становится императивной, т. е. в некотором отношении вынужденной и в любом случае обязательной. Страна-победитель получает беспрецедентный статус влиятельного международного игрока, чье участие в альянсах и организациях сопряжено с растущими программными требованиями. Недостаточно просто декларировать позицию, необходимо участвовать в систематическом диалоге, подтверждая позицию техническим превосходством и лидерством в доктринальной полемике. Успех атомного проекта лишь закрепляет это положение. Обосновательная часть академических решений ЦК в 1940 – начале 1950-х гг. предельно ясно отсылает к этой состязательности: во-первых, научная кооперация необходима для осведомленности о технических достижениях стран Запада, во-вторых, для побед в идейной борьбе на международной сцене между марксистско-ленинской теорией и буржуазной идеалистической.

Таким образом, ограниченная интернационализация философии, как и других дисциплин, достаточно рано, т. е. еще до «оттепели», вписана в попытки закрепить новое положение СССР на международной сцене. В свою очередь, «низовой» запрос на историю философии может институционально реализоваться в дисциплине только как ответ на эти вызовы состязательной интернационализации. Партийные дискуссии и учреждение собственного дисциплинарного журнала «Вопросы философии» призваны выполнить в этих условиях корректирующую функцию. Они редуцируют двусмысленность и интеллектуальные девиации, вызванные высокими напряжениями

ми и противоречиями, которые несет в себе использование ученых в международной политической борьбе. Со структурной точки зрения волна кампаний по осуждению «идеализма», «объективизма», «вейсманизма», «низкопоклонства» предстает уже не пароксизмом одной тиранической воли, а инструментом репрессивного управления издержками в модели императивной интернационализации.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Леонтьева Т. Г.</i> Церковная повседневность эпохи позднего сталинизма в провинциальном измерении.	6
<i>Бранденбергер Д.</i> О роли РКП(б) в «Ленинградском деле»	17
<i>Лейбович О. Л.</i> Социальные напряженности в позднюю сталинскую эпоху	25
<i>Кодин Е. В.</i> Поздний сталинизм в оценках российской политической эмиграции (на примере Мюнхенского института по изучению СССР: 1950–1972 гг.)	36
<i>Бикбов А. Т.</i> Парадоксы императивной интернационализации в 1943–1953 гг.	45
<i>Фицпатрик Ш.</i> Сталинская команда при Сталине и без него, 1952–1953 гг.	58

I. ПОСЛЕВОЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И МАССОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ

<i>Савенко Е. Н.</i> Послевоенное общество сквозь призму неподцензурных текстов (по материалам Сибири).	62
<i>Кыдыралина Ж. У.</i> Условия жизни и массовые настроения населения в послевоенное время в Казахстане	71
<i>Яковлева Г. Н.</i> Сталин и победа в Великой Отечественной войне в общественном мнении БССР во второй половине 1940-х гг.	79
<i>Васильева Н. Д.</i> Этнокультурные изменения в послевоенной повседневности народов Арктики (на примере Якутии).	91
<i>Никонова О. Ю.</i> Кризис продовольственного снабжения в послевоенном Челябинске и проблема голода в 1946–1947 гг.	99
<i>Пянкевич В. Л.</i> Дефицит товаров повседневного спроса и его преодоление в блокадном и послевоенном Ленинграде	108
<i>Круглов В. Н.</i> Кризис продовольственного снабжения в СССР и настроения населения, 1951–1955 гг.	117

<i>Лысенко О. В.</i> Город по-советски: интеллигенция как дисциплинирующая инстанция послевоенного советского общества	126
<i>Кимерлинг А. С.</i> По ту сторону лозунгов: практики приспособления к политическим кампаниям в 1945–1953 гг.	136
<i>Костяшов Ю. В.</i> Стратегии выживания послевоенного колхозного крестьянства: из истории повседневности переселенческих колхозов Калининградской области, 1946–1953 гг.	148
<i>Соколов А. С.</i> Развитие Рязанской области в послевоенное время: социально-экономический аспект	157
<i>Лаукайтите Р.</i> Советские и национальные ценности в послевоенной Литве: рычаги индоктринации общества, 1944–1953 гг.	164
<i>Чепайтене Р.</i> Политика памяти в сталинской Литве: между «советским» и «национальным»	172
<i>Кабацков А. Н.</i> Жизненный мир советского рабочего в позднюю сталинскую эпоху (по дневнику А. Дмитриева 1946–1953 гг.)	183

II. ПОЛИТИКА, КОНТРОЛЬ И СОВЕТСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА

<i>Зеленов М. В.</i> Роль А. А. Жданова в реформе руководящих органов ЦК ВКП(б) и их аппарата в 1946 г.: новые источники	194
<i>Пивоваров Н. Ю.</i> Последнее сталинское бюро: структура и кадровый состав Бюро Президиума ЦК КПСС (октябрь 1952 – март 1953 г.)	207
<i>Митрохин Н. А.</i> Фронтовики и «школьники» в послевоенных вузах.	216
<i>Фокин А. А.</i> Сталинское законодательство как база для электорального процесса в позднем СССР	235
<i>Байбурин А. К.</i> Паспортный режим в военные и послевоенные годы	243
<i>Тепляков А. Г.</i> Советские дипломаты и разведчики на randevу с заграницей, 1945–1953 гг.	252
<i>Кондрашин В. В.</i> «Номенклатурная революция» в Пензенском обкоме ВКП(б) в послевоенный период	261
<i>Коновалов А. Б.</i> Система взаимоотношений партийной номенклатуры центра и регионов в период позднего	

сталинизма: институты, традиции, практики, 1945–1953 гг.	270
<i>Костырченко Г. В.</i> «Дело врачей» как проявление деградации сталинского режима (в свете новых документов)	280
<i>Шабалин В. В.</i> Хулиганы в погонах: региональная кампания по идейно-политическому воспитанию милицейских кадров в послевоенный период (на примере Молотовской области)	293
<i>Калинина О. Н.</i> Советская номенклатура и система внутрикорпоративной охранительности в позднесталинский период (1946–1953 гг.)	304

III. ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РАЗДЕЛЕНИЕ

<i>Журавлев В. В.</i> Сталин и экономическая дискуссия 1951 г. в СССР (к проблеме сталинского теоретического наследия)	314
<i>Тихонов В. В.</i> Идеологические кампании позднего сталинизма и советские историки	326
<i>Чубур А. А.</i> Державно-националистический этап в идеологизации советской археологии	335
<i>Михайлин В. Ю., Беляева Г. А.</i> У истоков жанра: о предпосылках появления советского «школьного кино» в позднесталинскую эпоху	348
<i>Титаренко Е. Ю.</i> Образ Донбасса в советском послевоенном кинематографе, 1945–1950 гг.	359
<i>Маслов В. Н.</i> Кампания борьбы с «низкопоклонством» и «безродными космополитами» в Калининградской области	368
<i>Рахаев Д. Я.</i> За фасадом нерушимого единства: дело Г. А. Кокиева и утверждение идеологемы «добровольного присоединения к России» в советском кавказоведении	378
<i>Янковская Г. А.</i> «Теневая экономика» советского изобразительного искусства в контексте позднего сталинизма	394
<i>Рятусова Д. Н.</i> Политика «малокартинья» в системе позднего сталинизма: предпосылки, содержание, последствия	404

IV. МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ. ВОССТАНОВЛЕНИЕ И СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ

<i>Шалак А. В.</i> Распределение доходов колхозов как важнейший фактор условий жизни крестьянства Восточной Сибири в 1940-е гг.	416
--	-----

<i>Супрун М. Н.</i> Особенности развития сталинской модели в послевоенный период (на материалах Европейского Севера)	428
<i>Ильиных В. А.</i> Личное приусадебное хозяйство сельского населения Сибири в 1945–1953 гг.: политика государственного регулирования, динамика	443
<i>Бердникова Т. Б.</i> Сталинские послевоенные займы: директивы и жизнь	451
<i>Захарченко А. В.</i> Послевоенный ГУЛАГ на «великих стройках коммунизма» в Поволжье, 1948–1953 гг.	464
<i>Лазарева Л. Н.</i> СССР – Великобритания: неиспользованный шанс сотрудничества. (О Международном экономическом совещании в Москве 3–12 апреля 1952 г.)	474

V. КОНФЕССИИ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Одинцов М. И.</i> Вероисповедная политика советского государства в 1943–1953 гг.	488
<i>Носова Е. В.</i> Конфессиональная политика в Киргизской ССР	502
<i>Каиль М. В.</i> Православный епископат в послевоенной провинции: между верой и властью	509
<i>Курляндский И. А.</i> Политика сталинской власти в отношении открытия православных церквей в СССР в 1943–1953 гг. ...	519
<i>Чарный С. А.</i> Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в позднесталинский период	527
<i>Веденев Д. В.</i> Особенности оперативной деятельности органов госбезопасности в религиозной сфере на освобожденной территории Украины в 1943–1946 гг. (по документам НКГБ УССР).....	543
<i>Лобанов В. В.</i> Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР и его роль в ликвидации «обновленческого» раскола в 1943–1946 гг.	554
<i>Белякова Н. А.</i> Повседневная жизнь евангельских (протестантских) верующих в условиях разворачивающейся холодной войны	564
<i>Клюева В. П.</i> «Не они уступили, а с ними согласились»: евангельские христиане-баптисты и пятидесятники в первое послевоенное десятилетие	586
<i>Степанов А. Ф.</i> Казанская епархия и местная власть в 1944–1952 гг. (по отчетам уполномоченных Совета по делам РПЦ по Татарской АССР).....	595

<i>Кочетова А. С.</i> Совет по делам религиозных культов при СНК СССР: компетенция, организационная структура и направления деятельности.	605
<i>Глушаев А. Л.</i> «Собирается собрание в этом... как барак»: протестантские барачные общины Молотовской (Пермской) области на исходе сталинского времени.	611

VI. РЕПРЕССИИ. ЦЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ

<i>Батырбаева Ш. Д.</i> Идеологические и репрессивные кампании в Кыргызстане в середине XX в.: борьба с инакомыслием.	624
<i>Быкова С. И.</i> Проблема преемственности методов советской репрессивной политики 1930 – начала 1950-х гг.: биографический ракурс.	632
<i>Красильников С. А.</i> Устойчивость феномена «вредительства» в послевоенной репрессивной политике: «Красноярское дело» геологов 1949 г.	641
<i>Хаустов В. Н.</i> Холодная война и усиление репрессивной политики.	651
<i>Аблажей Н. Н.</i> Армяне-репатрианты как целевая группа террора в послевоенном СССР.	660

VII. В НЕВОЛЕ. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ССЫЛКИ И ПЛЕНА

<i>Дьяченко Л. Н.</i> Процессы этнокультурной интеграции: ретроспекция и перспектива. Кавказские народы, депортированные в 1940-е гг. в Киргизстан.	670
<i>Чиликова Е. В.</i> Некоторые аспекты депортации 1949 г.	680
<i>Веселкова Н. В.</i> «Хоть волком вой на уральскую луну»: советские немцы-трудармейцы – чувства и дискурсы.	689
<i>Иванов А. С.</i> Прокурорский надзор за системой спецпоселений (1945–1960 гг.)	698
<i>Гучинова Э.-Б. М.</i> Язык травмы в рисунках японских военнопленных о лагерях в СССР: снижение статуса и деперсонализация.	706

Научное издание

История сталинизма. Дебаты

**Советское государство и общество
в период позднего сталинизма.
1945–1953 гг.**

**Материалы VII Международной научной конференции.
Тверь, 4–6 декабря 2014 г.**

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *М. А. Айламазян*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *Н. Н. Долманова*

ЛР № 066009 от 22.07.98. Подписано в печать 27.07.2015.

Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 45.

Тираж 1000 экз. Заказ № 4082.

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс), 8(499)709-72-95 (отдел реализации)

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(499)270-73-59